

НИЗАМИ – 880

АЛИ АБАСОВ

МИСТИЦИЗМ В ПОЭЗИИ НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

«Сокровищница тайн» – собрание всего того загадочного, на что человечество, на каком бы этапе своего развития ни находилось, ответов не имеет. Так чем же в этом случае является творчество Низами: сокровищницей вопросов или ответов?

Его родина – вся доступная знанию планета, его творчество – всё пространство-время мировой культуры.

Одной из важных проблем в анализе творчества Низами Гянджеви является мистицизм, к которому исследователи подходят с различных, часто противоречивых позиций. Для одних Низами – практикующий суфизм поэт, для других – шейх ахиев – средневековой организации ремесленников и торговцев, исповедующих мистицизм, третьи утверждают, что Поэт из Гянджи был далек от личностной погруженности в практику какого бы то ни было мистического течения, но, прекрасно владея концепциями любого из развиваемых мусульманским Востоком направлений мистики, широко пользовался ими в своем творчестве. Проиллюстрируем ситуацию высказываниями некоторых исследователей творчества Низами.

Как отмечает Рахма Рахди, Низами достиг ясновидения благодаря хорошему образованию и духовным экспериментам, он изучал как Священный Коран, так и хадисы, в итоге полностью овладел науками своего времени. Значит ли это, что Низами прошел весь путь суфия от шариата к маарифату и далее к хагигату?

Мехмет Канар, напротив, утверждает, что в поэзии Низами «...многие двусторонние нуждаются в комментариях, поскольку концепции и композиции, которые он впервые выдвигает, затрудняют понимание его произведений. В некоторых источниках записано, что Низами связан с сектой, а в некоторых его стихах прослеживается суфийский дух; однако можно сказать, что он не был суфийским поэтом».

Г.Спасский-Автономов (1807-1890) напишет, что Низами «был суфа – то есть мистик», а свой интерес к творчеству Низами объяснит тем, что «в Персии поэтов Саади, Фирдоуси и Анвари называют пророками, а Низами – богом среди поэтов».

Е.Бертельс, занимавшийся исследованием творчества Низами в суровые годы сталинизма, при полускрытой демонстрации мистицизма Поэта из Гянджи, отрицал его принадлежность к суфиям, впрочем, в последующие годы ученый изменил свою позицию.

Ценные мысли в низамиведение внесла профессор З.А.Кули-заде, отметившая, что кроме суфизма, следует учесть и «*весьма ощутимое влияние других философских школ и течений, в частности, философии исмаилизма, его яркого рационализма, выраженного в мистической форме*»; она также полагает, что «*мировоззрение Низами могло бы помочь уяснению мало известной сейчас идеологии ахи*» – мистического направления, связанного с суфизмом многими узлами.

Итак, можно с определенной точностью утверждать, что красота, добро, чувственность и любовь всегда были связаны в произведениях Великого Поэта едиными принципами эстетики и этики, выходящими за рамки профанной жизни. Низами является одним из зачинателей экологического мышления, связавшего в едином, почти пантеистическом контексте Создателя и его творения: природу и человека. Вместе с тем, Низами – создатель Нового мира, наполненного в тягучее средневековое время динамизмом, изменчивостью, скрытыми прежде качествами человека, природы, об-

щества, побуждающими к активной светской жизни и деятельности. Как будто ясен и духовный финал, к которому Поэта подвел опыт жизни. Самопознание – цель. Все блага мира и красоты – преходящи, можно увлечься ими до самозабвения, но потом наступает момент пробуждения, горького, полного бесконечных проблем, и начинается возвышение до новых, недостижимых Истин, Добра и Красоты. Женщина, если и не главный, то равноправный с мужчиной персонаж мира грез, по-своему отражающий мир реальный. Женщины в Хамсе – ряд перекликающихся метаморфоз образа жены – Афаг – вершины земного счастья Низами. И как не вспомнить здесь, скорее всего, знакомого с творчеством Низами Ибн аль-Араби, утверждавшего, что самое совершенное видение Бога живет в образе прекрасной женщины.

Был ли Низами философом?

В рамках рационалистической подоплеки философии – нет! Но как последователь философской системы, построенной на воображении – да! Поэт – Творец Нового мира, опирающийся преимущественно на Воображение, черпающий первоэлементы создаваемого мира из сознания, подсознания и бессознательного, триады, функционирующей в режиме разума, рассудка и интуиции. В итоге Поэт последовательно создавал и разрушал свою Вселенную: реальную и виртуальную, явленную и сокрытую, хранящую в себе импульс саморазвития, а потому наделенную глобальным эволюционизмом. Именно этим объясняется бесчисленный ряд подражаний Низами вплоть до конца эпохи Средневековья и разрушения его картины мира, унесшего с собой тайны исчезнувшей Вселенной Поэта, оставив лишь «неуловимый аромат розы»¹, витающий в духовной атмосфере последующих веков расколдованного до убожества мира. Подобно хасидам, у нас, людей новейшей истории, остались лишь смутные воспоминания, что где-то здесь, в этом месте, когда-то очень давно благоухал «неуловимый аромат», который мы, не предпринимая достаточных усилий, тщетно пытаемся ощутить. Увы, Сокровищница Тайн утеряна.

Были в этой сокровищнице тайны разной величины, но, безусловно, одной из главных являлась тайна мистицизма Низами: его истоки, природа, характер развития и, конечно же, ценности, приобретенные опытом жизни Поэта. Начиная первыми комментаторами Великого Гянджинца и закачивая современными исследователями его творчества, эта проблема в той или иной мере всегда была животрепещущей, опираясь не столько на неоспоримые факты, сколько на субъективные (а порой и идеологические, политические) пристрастия времени принятия решения.

М.Ализаде пишет: *«Призыв к строгой и трудной жизни в «Сокровищнице тайн» Низами очень силен. Именно поэтому восточные и европейские исследователи творчества Низами склонны представить это произведение как трактат суфизма. Ошибка авторов, делающих такие неверные выводы, заключается в том, что они вместо анализа произведения великого поэта в целом большое значение придают отдельным терминам, выражениям и фактам»*. Но возникают вопросы: а была ли сама по себе такая тайна? И если была, можно ли вообще однозначно разгадать её? Разум и опыт изучения творчества Низами положительно отвечают на первый вопрос, в то время как интуиция подсказывает отрицательный ответ на вопрос второй.

¹ В исламской традиции роза ассоциируется с Пророком Мохаммедом, что выражается множеством способов в религиозных текстах и художественном творчестве. Роза считалась царственным цветком и символом красоты. Символизм розы в персидской культуре уходит своими корнями в доисламскую эпоху, когда цветок розы ассоциировался с зороастрийским божеством Даэной, одним из женских язатов. Роза стала особенно значимым символом в мистической традиции, начиная с XII в., пропитав персидскую религиозную мысль и литературную культуру. Руми утверждал, что аромат розы является намеком на тайну божественной действительности, которая лежит в основе всех вещей, и раскрывал феномен аромата розы, как символ «дыхания разума и здравомыслия». Следуя этой традиции, Низами раскрыл мистический символизм розы в соотнесении двух придворных врачей в поэме «Сокровищница тайн» – см.: <https://islamdag.ru/islam-detyam/44690>, <http://handcent.ru/stati/12720-nizami-gyandzhevi.html>, <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2124092-kak-cvetok-roza-svjazan-s-imenem-proroka-muhammeda.htm>

Но ведь и само творчество великого Низами представляет собой органический сплав разума и интуиции, совершенный синтез объективного подхода с его стерильной рациональностью и обнаженных до неприличия субъективных чувств, оставивших след-рубец во всех сочинениях «Хамсе». И тут уж хочется, почти технологически, вывести универсальную формулу соотношения составных частей картины мира, созданной гением.

Впрочем, все эти построения – неизбежные игрища постмодернизма XXI века, иллюстрирующие приложение современности к реалиям прошлого. Кто же станет критиковать и разрушать подобные построения во времена всеобщего релятивизма?! И все же ориентация на фактологию может способствовать более или менее адекватному конструированию специфики бессознательных мотивов, сухого рационализма и поэтического воображения, породившей феномен «гения золотого XII века мусульман». Пойдем по этому пути...

***

Природа и история, казалось бы, взяли передышку в своей вулканической деятельности, чтобы позволить Низами начать и завершить свое предназначение в жизни, проведенной между стихийным бедствием и социальной катастрофой. В субботу, 30 сентября 1139 г. произошло землетрясение, полностью разрушившее Гянджу и унесшее жизни десятков тысяч людей, город отстроится заново и станет еще более великолепным. Низами умрет (так считается!) на шестьдесят четвертом году жизни, а после него монголы (1221) превратят блистательную Гянджу в руины.

Разные авторы описывали его биографию, и все варианты противоречивы и двойственны, даже «лакаб» (литературный псевдоним).

Поэт выбрал имя «Низами», означающее «нанизывающий слова», – свидетельствуют одни, другие же связывают его имя со словом «вышивальщик», приводя высказывания некоторых средневековых авторов о том, что ремесло вышивания было в семье Низами наследственным занятием, и он создавал свои поэтические произведения с терпеливостью вышивальщика. Коль скоро он вышивальщик, его подлинное искусство раскрывается посредством интерпретации «обратной» стороны, «изнанки» вышиваемого литературного полотна, на которой расположение смысловых узлов и их нетривиальные соединения свидетельствуют о подлинных мотивах творчества, его сакральной философии, уплотненной мистическим символизмом и многообразием рефлексии над подвижными, изменчивыми словами. Если же он «нанизывал» слова, следуя избранному канону, как подобрать код к такой процедуре? Как вообще возможно в этом случае адекватно интерпретировать столь тщательно сокрытое творчество?

Кроме того, одна из основных проблем интерпретации связана с переводами Низами: западные переводчики не владеют в полной мере символизмом, используемым в восточных духовных произведениях. Единственный верный перевод – это перевод, который берет каждое слово стихов Поэта и переводит его абсолютно точно, поскольку, если этого не сделать, символизм и тонкость теряются.

Формирующим событием его жизни (по версии статьи «Низами» Британской энциклопедии 1911г., 15) стала смерть родителей, когда он был еще ребенком: *«Ранняя смерть родителей, которая самым убедительным образом проиллюстрировала ему неустойчивость всего человеческого существования, омрачила всю его жизнь и взрастила в нем то искреннее благочестие и горячую любовь к одиночеству и размышлениям, которые оставили многочисленные следы в его поэтических произведениях, и служила ему на протяжении всего его творчества мощным противовесом от соблазнительных милостей княжеских дворов, ради которых он, в отличие от большинства своих современников, никогда не жертвовал даже малейшим чувством собственного достоинства».*

Примем к сведению это системообразующее для понимания ментальности Поэта замечание и обратимся к атмосфере Города, сыгравшего, видимо, немаловажную роль в социализации его личности.

***

И до, и после Низами Кавказ был своеобразным Вавилоном, породившим уникальный синтез этнических культур и конфессиональных монотеистических традиций, нередко довольно смело опрокидываемых его насельниками в седую древность политеизма, существовавшего в причудливо разнообразных формах (манихейство, маздакизм, зороастризм...).

Заметим по ходу размышлений, что Низами был энциклопедически образованным человеком эпохи мусульманского ренессанса, и... впадем в профанацию, поскольку даже Проторенессанс в Европе пришелся на вторую половину XIII века – XIV век, а слово «энциклопедия» вообще появилось лишь в XVI веке. Правда, нечто подобное «энциклопедии» создали в X веке в Басре «Братья чистоты» («Чистые братья»), с четырехтомным произведением которых Низами, надо полагать, был неплохо знаком.

Опрокидывание в седую древность Низами практиковал всем своим творчеством, одновременно выказывая потрясающее современное сознание, знакомство с языками, культурами, религиями, средневековыми науками, эзотерическими и экзотерическими традициями.

Арабо-мусульманский Халифат уже в середине VIII-го века смешал парадигмы арабской, иранской, тюркской, древнегреческой научной и художественной рефлексии, что и стало основой исламского Ренессанса. Это неудивительно, поскольку к тому времени арабы составляли лишь половину общего числа властвующей элиты, другую же половину пополнили персы и тюрки.

«При аббасидских халифах ал-Мансуре, Харун ар-Рашиде и особенно при халифе ал-Момине развертывается широкая переводческая деятельность, в основном, античной литературы, сохранившейся в оригинале на греческом языке или в переводе на сирийский. Начало восприятия античной культуры, культуры Индии и Китая. В «Дом Мудрости», созданный в Багдаде, приглашаются переводчики античных произведений из многих стран. Книги для переводов собираются специальными службами по всем областям Халифата, книгами, вместо золота, получают контрибуции от Византии, книгами принимают подарки от почетных гостей. Считается, что в «Доме Мудрости» было собрано около 400 тысяч книг. И как результат, расцвет науки и литературы Халифата в IX веке»¹.

Новой столицей Халифата – Багдаду (762 г.) – Гянджа (по древним источникам основана в 659-660 гг., впрочем, по другим историческим трудам основание города – 859 год, а то и в более ранний период – кавказскими албанами) подражает чуть ли не во всем. *«Здесь действуют школы, университеты, общественные и частные библиотеки, обсерватории, есть свой «Дом Мудрости» и «Дома Исцеления». Известно о существовании в Гяндже большой библиотеки «Дар ал кутуб»².*

Население столицы Халифата в период расцвета достигает почти 2 млн., Гянджи – 500 тыс. – два мегаполиса средневековья. Население современной Гянджи, к примеру, чуть выше 330 тысяч. Во времена Низами благодаря расцвету международной торговли, выбравшей в качестве одного из своих узловых маршрутов Гянджу, эта схожесть двух городов заметно усилилась.

Мамед-Эмин Расулзаде отмечал, что в XII в. центр исламской культуры перемещается в Гянджу³.

¹ Низами Гянджеви - Posted by nimatullahina 25 ноября, 2001.

² Там же.

³ Rəsulzadə Məhəmməd Əmin. Azərbaycan şairi Nizami. "Təknur" nəş. Bakı 2011, 520 səh.

Как «думали» люди мусульманской средневековой цивилизации?

А.А.Утимова систематизировала элементы исламской духовной традиции, составившей фундамент менталитета мусульманина. Получилось следующее: принципиальная нераздельность религиозного и светского, преимущественно религиозный характер менталитета, циклическое время истории, возобновляющееся с каждым приходом Посланника Бога, философии, науке и художественной культуре наиболее присущ этноконфессиональный синкретизм и идея космического единства всех явлений и процессов. *«И общество, и жизнь человека должны быть подчинены гармонии Вселенной. Отсюда энциклопедичность науки и учений, сочетающих в себе философию, математику, медицину, астрономию и поэзию. Космизм и энциклопедичность продолжают восприниматься как главные черты идеальной модели научного познания и личности ученого. Владение философской проблематикой и культурой считается ведущим показателем разносторонней личности».*

Получился образец духовного мира Низами!

С.Ф.Якупов следующим образом систематизирует менталитет исламской цивилизации в период ее подъема: критицизм, т.е. критическое отношение к действительности, к предшествующим знаниям; рационализм, т.е. идея о том, что мир упорядочен и разум человека может его познать, рационализм появляется в процессе демифологизации сознания и тесно связан с критицизмом; толерантность, т.е. терпимость к иным мнениям, верованиям, к другой культуре, стремление аккумулировать достижения других цивилизаций и создать собственную великую культуру; пластичность менталитета мусульман в период расцвета культуры (открытость и гибкость); свободомыслие; идея равенства всех людей; коллективизм, т.е. такое направление мыслей, чувств и желаний, которое рассматривает жизнь ассоциаций и общества в целом как нечто более важное, чем жизнь отдельного человека.

Обладал ли Низами схожим менталитетом? В чем-то – да, в чем-то – нет!

Поэт проявлял абсолютную терпимость к чему-либо новому, неизвестному, прилетевшему к нему как чужое, но интересное. Низами всю свою жизнь живописал Человека, немного утопичный для его времени образ, обращенный в будущее. Именно эта позиция вознесла Поэта на вершины человекопонимания, человекознания, способствовала адекватному восприятию и отображению пластического единства внутренней и внешней жизни человека.

Нам нужно разобраться в одной тонкости исторической трансформации религиозной ментальности, чтобы понять, каким образом и почему появляется мистическая традиция в строгом монотеизме. Боги и люди политеизма жили вместе в одном пространстве-времени, вмешиваясь в ход божественных и профанных событий, а потому между их сферами обитания не было разрывов и лакун. Монотеизм в буквальном смысле этого слова развернул непроходимую бездну между Богом и человеком, породив шок сознания, лишенного возможности непосредственного общения с божественным началом. В монотеистических религиях авраамитической традиции с поразительной последовательностью появляется одна и та же мистическая рефлексия, призванная, надо полагать, помочь человеку преодолеть эту пугающую бездну. Зададимся вопросом, не является ли внушительное долготлетие влияния иудаизма, христианства и ислама результатом появления мистики, формирующей из линейности – топологию непрерывности исторического времени в структуре божественного провидения, допускающего коммутацию?

Поскольку эта коммутация Бога и человека необъяснима на языке рационализма, от того, что уже рефлексия монотеизма предпочитала язык притчи и метафоры – языку логики, зарождающийся мистицизм должен был найти собственный интуитивный язык, свою семантику выражения выстраиваемой связи. Поэтическое творчество на Востоке стало первоначальным языком мистики. К нему подтянулись музыка, архитектура, каллиграфия и там, где это допускалось, живопись.

Нельзя утверждать, что все эти жанры развивались сами по себе в отрыве друг от друга, напротив, они составляли единую систему рефлексии, нормы которой формировали тот или иной канон. Этот многоуровневый канон мы видим уже в первом (дошедшем до нас?) поэтическом произведении Низами «Сокровищница тайн» (переводится и как Хранилищница, а значит, ее что-то или кто-то хранит, охраняет от назойливой профанации), в котором воплощена великая идея единения Бога и человека.

Часть последователей и поздних критиков творчества Великого Гянджинца увидит в этом произведении некий и некогда полученный Поэтом феноменальный опыт и «безошибочную печать суфийских рассуждений». Они напишут, что дата создания «Сокровищницы тайн» варьируется в разных копиях от 552 до 582 года хиджры и должна быть установлена 574 или 575 годом (1178–1179 гг. н. э.), Е.Бертельс утверждает, что работа над поэмой протекала между 1173 и 1179 годами, «причем более вероятны были ранние годы, то есть Низами писал ее, когда ему было немного более тридцати лет». Как бы то ни было, Низами было за 30 – весьма почтенный по тем временам возраст. С чем, с какими идеями он подошел к этому рубежу, чем занимался до «начала» творчества? Мы этого не знаем, но можно предположить, что Низами осваивал школу мистики, а может быть, и посвящение в мистика, одновременно означающее и посвящение в Поэты. Есть, правда, и версия создания «Сокровищницы тайн» в 1163 году 22-летним юношей, – но в этом случае необходимо реконструировать совершенно другую биографию Низами.

«Внимательное чтение поэмы Низами показывает, что она обращена в будущее», – отмечает Халил Юсифли, и это характерно для всего творчества Поэта.

Может быть, это, вообще, один из принципов канона: «Настоящее пишет о прошлом для будущего»?!

Е.Бертельс приводит весьма интересную версию: *«Название поэмы очевидно связано с преданием, широко распространенным среди поэтов. В ночь Ми'раджа, когда Мохаммед внезапно вознесся на небо, он увидел под небесным престолом закрытое на замок помещение. Он спросил: «О, брат мой Джибраил [архангел Гавриил], что это за место?» Ответ был: «О, посланник божий, это – сокровищница глубоких мыслей, а языки поэтов твоей общины – ключи к ней».* Интересно: «языки твоей общины», а не язык. К чему бы это? Приходится выискивать причины, по которым Е.Бертельс, живописуя Низами как «законченного мистика», отказывает ему в формальной принадлежности к любому мистическому братству (суфии, ахии).

Внимательно прослушаем повествование самого Поэта: ночь, тишина, внутренний голос, предлагающий ему отказаться от всех внешних чувств и искать пути внутрь себя, к тому единственному Другу, жить без которого нельзя. Поэту с величайшим трудом удастся проникнуть в сокрытый внутренний мир – сокровенное царство сердца, с которым он вступает в беседу. А вот слова Бертельса: *«Низами вообще один из труднейших авторов, а его «Сокровищница тайн» справедливо считается самой трудной среди всех его поэм. Нет сомнения, что эта затрудненность введена в поэму совершенно сознательно. Это не чтение для развлечения. Поэт написал ее так, что почти каждая строка требует углубленного внимания».* Мысль не новая, об этом писала целая плеяда последователей и комментаторов Поэта.

Нуриддин Абдулрахман ибн Ахмад Джами (1414-1492), блестящий поэт-мистик, суфийский шейх, теолог, философ, теоретик музыки и завершитель классического периода поэзии на персидском языке скажет, что большинство работ Низами лишь на поверхности кажутся романтическими, на самом деле они являются маской на лице Истины, камуфлирующей Божественное знание. Низами сознательно декорировал свои мысли поэтическими формами, порождающими полисемантику. Было ли это мистическим приемом приверженности к метафоричности, или же мы имеем дело с сознательно выбранной системой символизма, и в этом случае должны

интерпретировать и реконструировать подлинный смысл каждого слова в произведениях Поэта. Ирония может заключаться в том, что Гений, скорее всего, прибегал к обоим приемам! Нужно ли этому удивляться, если в истории Низами появляется «сразу и ниоткуда», а перипетии мистики будут преследовать его всю жизнь, забирая жизни жен за каждый творческий успех.

По мнению изощренных знатоков: *«абсолютное владение Низами персидским языком и его нетрадиционное использование в совокупности делают почти каждую строку загадочной и часто трудной для понимания»*. В случае с «Сокровищницей тайн» причина усматривается в исключительной опоре на символизм и мистическую мысль так, что *«практически все мистические концепции и каждый символ представлены в этом произведении-шедевре лаконичного поэтического использования концепций и символов»*. И еще одно мнение знатоков: *«мистическое измерение «Сокровищницы тайн» реально, но гораздо более неуловимо, чем в более поздней суфийской поэзии»*. Но где обучился этой «неуловимости», ставшей кредо жизни (как мало мы о ней знаем!) и творчества (как плохо мы его понимаем!) Великий Гянджинец? И главное – он был мистиком новой формации, более изощренным, тонким и сокрытым даже для посвященного адепта. Надо ли удивляться, что почти все его произведения фиксировались восторженными почитателями в адаптированном формате?! Что же мы потеряли из великого наследия в этом случае, какие тайны никогда не станут достоянием гласности?

Вернемся, однако, к установленным фактам. В «Сокровищнице тайн» говорится об уединенных бдениях Поэта, известных в суфийской практике, как Халват. Рассудительная Британская Энциклопедия (памятуя слова Пророка) предпочитает срединную позицию: *«Нет никаких указаний на то, что это были суфийские бдения, но они используются как буквально фантазии склонного к духовности поэта, каким он хотел быть. Низами присоединяется к традиции, которая началась с Санаи и была продолжена другими суфийскими поэтами, в первую очередь Аттаром – эзотерика, философия, теология, скрепленные этикой и дидактикой и изложенные в типичном стиле гомилетики»* (*«искусство беседы»*, прикладная учебная дисциплина, посвящённая искусству проповедничества – **А. Аб.**).

Состояние «халват» – святое уединение, в которое уходят шейхи на три, сорок и более дней, в подражание Посланнику, который уединялся и проводил время в размышлениях об Аллахе. Халва (араб., буквально «одиночество») имеет несколько значений в суфизме, как практики «ухода от мира». Это и уединение, традиционно длящееся сорок дней, во время которого мюрид-ученик выполняет духовные упражнения под руководством муршуда-учителя – суфийского шейха. Так кем был Низами: мюридом или муршудом? К его имени прилагался сан – шейх, но, может, он был шейхом лишь поэтов? Крымский так решает этот вопрос: *«Шейх ахий Фарадж Занджани (ум.1162 г.) – муршуд мюрита – Низами»*. Он говорит о корпорации послушников-подмастерьев, составляющих боевую дружину ахивев. Трудно представить себе Низами в составе боевой дружины, но что мы знаем о ранних годах жизни Поэта? Известно, что подлинные ценности толерантности и миролюбия принимаются душой после основательного покаяния телом этических норм!

Опираясь на свидетельства первого комментатора Низами – Даулат-Шаха (жившего в XV веке, через 3 столетия после Поэта), Е.Крымский пишет, что *«Низами принадлежал к ахиям – трудовому цеховому братству-ордену, на что западные исследователи не обратили внимания»*.

Мистика никогда не покинет строк творений Низами, она будет более искусно прятаться за сюжетами якобы обычной жизни, фабулами почти профанического описания повседневности с ее коллизиями любви и ненависти, сшибкой добра и зла, демонстративно выведенной в пространство дидактики и ортодоксальной морали. Как, например, в поэме «Хосров и Ширин» (1177–1180 гг.).

Поэма, на формальном уровне воспринимаемая как красочное романтически-любовное произведение, на содержательном уровне является аллегорическим изображением стремления души к Богу. И здесь также присутствует вышеуказанная неуловимость мистического начала, а значит, этот прием характерен для всего творчества (сравните с другими поэмами «Хамсе»).

В 584 г. хиджры (1188 г. н.э.) Низами, завершив свой «Диван» (около 20 000 двустиший!), начинает по заказу правителя Ширвана свою вторую романтическую поэму, основанную на знаменитой на Востоке бедуинской истории любви «Лейли и Меджнун», закончив ее в четыре месяца.

На уровне первоначального восприятия читателя увлекает драматическая история всепоглощающей любви героев, но в астральном плане разворачивается аллегорическая панорама духовного поиска Истины, Добра и Красоты.

Асиф Ата, азербайджанский философ и литератор, делает вывод: Меджнун – суфий, Лейли – его Идея, за которой он неуклонно следует до самой смерти.

Можно согласиться с оценкой, что любовь Меджнуна не сумасшествие, наоборот, она выявляет ум, понимание истины, красоты, человечности, смысла жизни, цены человека и природы, но это будет первый, формальный план. На содержательном уровне Низами пишет о Любви всеобъемлющей, вселенской, космической, проявляя знакомство с библейскими и евангельскими мотивами, посвященными Основному чувству человека, выраженному в первом послании апостола Павла к коринфянам: *«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы.*

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится... А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше».

«Для Низами способность любить – признак совершенства человека. Путь Меджнуна – вознесение на небеса через любовь». (Гюльшан Алиева-Кенгерли)

«Хафт Пейкар» («Семь красавиц», 1197 г.) дословно можно перевести и как «семь портретов», и как «семь принцесс». Сюжет каждой из семи новелл – любовное переживание, при котором грубая чувственность сменяется духовно просветлённой любовью. Семь разных стран представляют традиционное зороастрийское и исламское разделение Земли на семь частей, каждая из которых управляется одной из семи планет согласно той же классической планетной системе.

Но Бертельс погружается в более глубокие пласты истории, интерпретируя Низами: *«Все это восходит к древним астрологическим воззрениям Вавилона. Вавилонские храмы (зиккурат), как известно, строились на семи ступенях, причем стены также делались семи цветов, связанных с днями недели и планетами».*

Крымский подчеркивает, что число семь имеет *«всеобщее таинственное значение на Востоке».*

До каких же истоков человеческого познания уходили знания Великого Низами? По мнению Бертельса, до древних мифологических описаний, идущих *«из недр египетской и вавилонской жреческой мудрости, сохраненной суфиями».*

Героика «Искендернаме» будет дополнена пластическим переходом героя от роли завоевателя мира к образу философа, а затем и пророка. Здесь читатель будет буквально наткнуться на мистические аллегории, он столкнется с великим учением мистики – пантеизмом, будет бесконечно размышлять над заключительным эпизо-

дом первой части, описывающим таинственный поход Александра в страну тьмы к источнику жизни. Низами включает в поэму главу о беседе с таинственным пророком Хызром, посетившим его и уговорившим взяться за создание «Искендернаме».

Жизненный путь Александра, показанный Низами в поэме «Искендернаме», Бертельс объясняет следующим образом: *«Это – символическое описание внутренних состояний человека, постепенно погружающегося в себя во время мистической медитации – глубочайшего раздумья, сопряженного с самогипнозом – единственного тогда способа изучения психики, это – те же самые круги ада и рая, описанные в иной системе символов Данте. Кстати, ад, очень похожий на дантовский, описал предшественник Низами – Санайи, на которого Низами ссылается в «Сокровищнице тайн», а зависимость всей схемы Данте от младшего современника Низами – арабского суфия Ибн аль-Араби – доказана испанским ученым М.Асин-Паласиосом».*

Какая захватывающая дух историческая связь тысячелетий развития человечества в разных по форме и одинаковых по содержанию культур и цивилизаций!

Низами – один из предтеч хуруфизма: поэт был твердо уверен, что единство мира можно воспринять посредством арифметики, геометрии и музыки. Он также знал нумерологию и считал, что числа являются ключом от взаимосвязанной вселенной, так как посредством чисел множество становится единством, а диссонанс – гармонией. *«Идентификация живой воды с буквами и познающим их человеческим разумом, как известно, была распространена в Средние века в философии исмаилизма, а позже в философии исходящего из исмаилизма хуруфизма и других течений идеологии Востока. Здесь, как правило, мрак был в отличие от познания символом невежества».* (З.А. Кулизаде)

Проведем компаративный анализ зарождения и связи движений ахив и суфиев. Ряд исследователей утверждает, что элементы учения ахи можно видеть наряду с такими течениями, как огнепоклонничество, зороастризм и манихейство, ещё в далёкие доисламские времена, к примеру, общность «правдивой мысли, правдивой речи и правдивых деяний» в зороастризме в этических требованиях ахи. Происхождение этого термина арабское и имеет значение: «брат» или «братство». В.А.Гордлевский отмечает, что на протяжении некоторого времени ахи опирались на городских ремесленников и оказывали политическое влияние на всём пространстве Малой Азии, сформировавшись в новом виде в эпоху правления Аббасидов во всех городах Турции: Стамбуле, Анкаре, Измире, Бурсе, Адане, Сивосе, Токае и т. д.

С другой стороны, уже с VIII века начинается мистическое движение захидов в исламе, позже оформленное как суфизм, столкнувшееся с зороастризмом, иудаизмом, христианством, манихейством, и, видимо, с идеями ахив, последовательно проведивших идею пантеизма.

В конце XII – начале XIII вв. мусульмане (в том числе суфии), изгнанные из Андалузии, и мусульмане Хорезма (в том числе ахии) из-за нашествия монголов нашли защиту и кров в Анатолии, что стало причиной культурного и интеллектуального пробуждения этого региона. Ахи и суфизм имели прочные связи, более того, суфизм как бы рос и развивался на платформе практического ахи, существовавшего в очень далекие времена на древней земле Турции.

В XIII в. суфийская мысль и социально-этическое течение ахи достигли своей вершины, охватив многие стороны бытия исламского мира. Это дает основание утверждать, что оба течения мистической мысли исламского мира были хорошо известны и разрабатывались в эпоху Низами.